

(какъ не забываетъ мѣстныхъ отличій и въ кругу самой русской народности), но совершенно признаетъ ту однородность русскихъ съ народами Европы, какую хотѣли отвергать новѣйшіе славянофилы ¹⁾). Этими общими понятіями о народныхъ особенностяхъ, о необходимости просвѣщенія, о важности народнаго обычая опредѣляются мнѣнія Болтина о новѣйшихъ событіяхъ русской исторіи. Онъ говоритъ съ великимъ почтеніемъ о дѣятельности Петра Великаго, въ которомъ видѣлъ героя и насадителя наукъ, но строго осуждаетъ оказавшіяся потомъ неблагопріятныя вліянія западныхъ нравовъ, и испорченному новому обществу противопоставляетъ здравую простоту стараго обычая. Онъ съ величайшимъ негодованіемъ говоритъ о временахъ Бирона, о которыхъ зналъ еще по живымъ преданіямъ. Онъ привѣтствовалъ времена Екатерины II, которая, по тогдашнему представленію, дала свободу мысли и совѣсти русскаго народа. Любовь къ старинѣ, въ которой Болтинъ сочувствовалъ, цѣнилъ простоту нравовъ, не мѣшала ему высоко оцѣнивать это освободительное востроеніе времени Екатерины (надо разумѣть первые годы ея царствованія), конечно весьма мало похожее на эту старину. Онъ радуется, что съ воцареніемъ Екатерины «совѣсть не судится, мысль свободна, языкъ развязенъ». Въ духѣ этой терпимости и согласно своему взгляду на значеніе народнаго обычая, котораго не слѣдуетъ измѣнять насильственно, Болтинъ относится весьма разумно къ расколу. Если разсмотрѣть, — разсуждаетъ онъ, — обряды и религіозныя понятія нашихъ раскольниковъ, то не найдется въ нихъ ничего такого, что противорѣчило бы правамъ и обязанностямъ истиннаго христіанина и добраго гражданина. «Какой вредъ, на примѣръ, наносили государству бороды? Никакой. Какую пользу принесло обрיתіе ихъ? Никакой же, во принужденіе къ тому великій вредъ причинило. Когда характеръ мой хорошъ, что кому нужды до того, что лицо у меня мохнато; что платью на мнѣ длинно; что знаменуя себя крестомъ не такъ персты складываю какъ другіе; что вмѣсто трехъ разъ, по два раза аллилуія читаю; что по солнцу а не противу солнца обращаюся; что старопечатныя книги признаю исправнѣйшими новыхъ, и проч.?.. Оставь слабости при мнѣ, если основаніе сердца моего благо. Признавая всѣ сіи мелочныя обряды и ничего въ существѣ своемъ незначущіе, за важныя, за необходимыя ко спасенію, подвергаю себя всеобщему осмѣянію, являю свое невѣжество, невозгласіе; но не дѣлаюся преступникомъ. не

¹⁾ Ср. Исторію Росс. Акад., V, стр. 188 и слѣд.